

*Елена Селиванова
(г. Черкасы, Україна)*

КАТЕГОРИИ ЦЕЛОСТНОСТИ И ДИСКРЕТНОСТИ / ЧЛЕНИМОСТИ В ТЕКСТЕ И ДИСКУРСЕ

Статтю присвячено розгляду текстово-дискурсивних категорій цілісності та дискретності, їхнього співвідношення з інтеграцією, завершеністю та серійністю текстів, ситуаційною замкнутістю та змістовою відкритістю дискурсу, знаковим посередником якого служить текст.

Ключові слова: *категорія, цілісність, дискретність, дискурс, текст.*

Статья посвящена рассмотрению текстово-дискурсивных категорий целостности и дискретности, их соотношения с интеграцией, завершенностью и серийностью текстов, ситуативной замкнутостью и смысловой открытостью дискурса, знаковым посредником которого служит текст.

Ключевые слова: *категория, целостность, дискретность, дискурс, текст.*

The article focuses on investigation of text-discursive categories of integrity and discrete, their correlation with completeness and serial of texts, situation reserve and semantic openness of discourse, the sign mediator of which a text serves as.

Key words: *category, integrity, discrete, discourse, text.*

Проблема виделения и упорядочения признаков текста как сложного знакового и коммуникативного феномена в лингвистике текста остается дискуссионной и актуальной. Некоторые исследователи даже высказывают сомнения в необходимости вычленения текстовых категорий [10, с. 3]. Однако отсутствие признаков определенного явления обуславливает постановку вопроса о существовании данного явления. Поэтому рассмотрение проблемы текстовой категориальной иерархии способствует не только обоснованию природы текста, но и его отграничению от не-текста и установлению его статуса в системе единиц языка и в речевой деятельности. Исходя из логического толкования

категорий как «предельно общих фундаментальных понятий, отражающих наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания» [3, с. 77], мы трактуем текстовую категорию как надпарадигмальный инвариантный признак, отражающий наиболее существенные особенности текстом и актуализированных текстов. В книге «Основы лингвистической теории текста и коммуникации» [14, с. 191–239] в соответствии с принципом интегративности текста и дискурса нами обосновано и описано тексто-дискурсивные категории целостности, дискретности, информативности (с подчиненными информативности категориями фактуальности, концептуальности, подтекста, аксиологичности, эмотивности), связности, континуума (с подкатегориями прогрессии, стагнации, времени и пространства), референциальности, антропоцентричности (с подкатегориями адресантности и адресатности), интерактивности (с подкатегориями интенциональности, стратегичности, интерпретанты, эффективности) и интерсемиотичности.

Цель нашей статьи – обосновать тексто-дискурсивные категории целостности и дискретности / членимости, установив их специфику в художественных текстах и статус в системе некоторых смежных явлений текста и дискурса.

Текстово-дискурсивная категория целостности рассматривается многими исследователями в числе ведущих как конституирующий признак текста, отличающий его от не-текста, представляющий знаковую закрытость текста, которая обеспечивается интеграцией всех его уровней, способствующей восприятию текста как единства [2, с. 125].

В период становления лингвистики текста, на этапе текстовой грамматики целостность аспектов, соотносимых как форма, содержание, функция, определялась в единстве структурного, смыслового, коммуникативного субстрата. Коммуникативная целостность рассматривалась как преемственность между составляющими текста (от данного к новому), служащая основой тема-рематической цепочки [11, с. 21]. В конечном итоге, целостность отождествлялась с когерентностью или когезией, т. е. со связностью различных типов.

Дискурсивная встроенность текста позволяет рассматривать целостность как тексто-дискурсивную категорию, предполагающую относительную закрытость знаковой системы текста, обеспечивающуюся интеграцией всех его уровней, конденсацией содержания и восприятием текста адресатами как одного континуального объекта. В. Звегинцев подчеркивал: «Дискурс снизу детерминируется пресуппозициональным каркасом дискурса, а сверху – не названной еще содержательной надстройкой, обе силы определяют нижний и верхний предел дискурса, обуславливает его «цельнооформленность» [6, с. 17].

Макрознаковость текста является синергетическим параметром самоорганизации суперсистемы дискурса. Положение о тексте как сложном знаке, нерасчлененном сигнале, имени разрабатывалось рядом исследователей (В. Дресслер, Г. Колшанский, Ю. Лотман, А. Нойберт, Я. Петефи, Х. Плетт, Д. Руденко, Ю. Сватко, П. Хартман и др.). Текст как суперзнак был квалифицирован еще Л. Ельмслевом в противовес точке зрения Ф. де Соссюра, ограничивающего знаки словами и морфемами. Я. Петефи предложил назвать отрасль, изучающую текст как знак, семиотической текстологией, целью которой станет реконструкция того, как интерпретатор заставляет текст соотноситься с миром, то есть того, каким образом происходит понимание одного из объектов мира как знака [18]. Исследователи текста как имени приписывали ему ряд семиотических свойств: «способность отображать определенную референтную ситуацию, одновременно идентифицировать и характеризовать ее как самостоятельный целостный объект, целостность правильного в семантическом и грамматическом отношении текста; несводимость текста к содержанию его составляющих, наличие у него своеобразной «внутренней формы» [13, с. 83]. По словам В. Телия, текстовый знак в дискурсе является «многомерным информационным комплексом, холистически настроенным на вхождение в речь в соответствии с коммуникативными интенциями говорящего и настолько же холистически воспроизводимым слушателем как в нормативном, так и в прагматическом информационных полях» [17, с. 129].

Макрознаковость текста в дискурсе существует на основе синтезированного смыслового конденсата, порождаемого автором и воспринимаемого, интерпретируемого адресатами; диалогичности текста с семиотическим универсумом (внутри и вне текстовой парадигматики). Синергетичность и целостность дискурса придает тексту мобильность и тем самым усиливает его целостность как макрознака. Это внешний аспект целостности как тексто-дискурсивной категории. Внутренний же ее аспект обычно проецируется на полисистемность самого текста, представляющего собой функциональную систему текстовых слоев уровней, кодов, измерений повествования, обусловленную сочетанием линейности и многомерности текста [1, с. 174].

И. Гальперин считал способом создания целостности интеграцию – текстовую категорию психологического плана, направленную как процесс на результат. По мнению ученого, интеграция может осуществляться средствами когезии – категории логического типа, но может строиться и на ассоциативных и пресуппозициональных отношениях, поэтому в отличие от когезии, имеющей синтагматическую природу, интеграция вертикальна, парадигматична [2, с. 125].

Текстово-дискурсивная целостность определяется взаимодействием модулей дискурса, в том числе коммуникантов: «кодирующий отталкивается от континуальности текста с тем, чтобы его расчленил, а декодирующий, напротив, воспринимая отдельные компоненты текста, стремится представить его как нерасчлененное континуальное целое» [2, с. 14]. Целостность текста также существует на основе этого взаимодействия. Кроме того, системность порождающего сознания; сознания адресата, в том числе лингводискурсивного; семиосферы, интериоризованного бытия обеспечивает внутреннюю системность и целостность самого текста в целостной суперсистеме коммуникации. Следует отметить и обратную связь текстовой системности с суперсистемой дискурса. В этом, по мнению Е. Сидорова, заключена конструктивная функция текста в коммуникации: «Для реализации социальной функции текста необходимо, чтобы коммуникативные деятельности общающихся

людей были приведены в некоторое закономерное взаимное соответствие. Иначе мы будем иметь не взаимодействие, а хаотическое столкновение деятельностей. Отсюда вытекает определенная функция текста, заключающаяся в организации каждого отдельного акта речевой коммуникации в виде закономерно организованной системы» [16, с. 43].

Категория целостности может иметь и парадигматическое объяснение. А. Леонтьев подчеркивал: «Целостность заключается в динамическом и не всегда полностью осознаваемом отнесении данного текста к одному объекту, простому или сложному» [9, с. 27]. В парадигматике дискурса и текстов отнесенность данного к речевому жанру или текстеме обуславливает его целостность. Психолингвисты объясняют феномен цельности на основе иерархической организации планов (программ) речевых высказываний, используемых реципиентом при восприятии текста. Цельным является текст, который при переходе от одной последовательной ступени компрессии к другой, более глубокой, каждый раз сохраняет для реципиента смысловое тождество по центральным смысловым компонентам, лишаясь маргинальных, необязательных, менее важных [5, с. 7].

Целостность нередко связывалась или отождествлялась с завершенностью текста, возводя последнюю в ранг текстовой категории. Отталкиваясь от системности текста, В. Кухаренко подчеркивает: «Положение о закрытости текстовой системы хорошо согласуется с категорией целостности (завершенности), обязательно присущей целому тексту... Автор на самом деле выступает как единоличный хозяин положения – «где считаю нужным, там ставлю финальную точку», что в свою очередь означает, что «концепт сформирован, дорога к его пониманию указана, сообщение завершено, система закрыта» [7, с. 78]. Однако завершенность текста соотносится с рядом явлений, которые ставят под сомнение категориальный статус завершенности в дискурсе. Во-первых, это обрыв текста, произведения либо по объективным, либо по субъективным причинам. Н. Гоголь не окончил поэму «Мертвые души», ибо ее планируемое продолжение вступило в противоречие с замыслом автора –

показать по образцу «Божественной комедии» Данте ад, чистилище и рай России. Конфликт «диалога» автора и текста, возможно, привел к сожжению второго тома и к отказу от написания третьего. Гоголь не увидел позитива в будущем России и не завершил поэмы. Между тем поэма является целостным текстом, но не завершенным, и в этой незавершенности кроется особый авторский концепт.

Во-вторых, сам термин «завершенность» как бы противоречит возможной открытости текста как коммуникативного посредника. Поэтому трудно согласиться с утверждениями о закрытом характере коммуникативной ситуации, она скорее замкнута, но не закрыта, ибо один текст может иметь множество адресатов. Вступая в коммуникацию, адресат замыкает коммуникативное пространство, но не закрывает его для других адресатов. Знаковая закрытость текста не противоречит его смысловой открытости, обеспечивающейся двумя факторами: домысливанием читателем, слушателем какого-либо финала или финалов (например, «Дворянское гнездо» И. Тургенева или «Белая гвардия» М. Булгакова), а также свободно-вариативной интерпретацией текста, нередко заданной стратегией автора. Читатель сам должен избрать вариант авторской развязки (к примеру, в романе Дж. Фаулза «Подруга французского лейтенанта»), переходя от текстовой модели мира к модели игры [18, с. 17]. При отрицании закрытости дискурса для адресатов и утверждении о его ситуационной замкнутости мы полностью поддерживаем суждение В. Кухаренко о том, что «возможность нескольких интерпретаций одного текста, явное изменение их с течением времени не противоречит положению о закрытости художественной системы» [7, с. 77], и считаем, что выбор термина «завершенность» как эквивалента целостности неудачен и содержит возможность неточности и многозначности.

В-третьих, завершенность текста вступает в противоречие с явлением серийности текстов. Серийность текстов может существовать в пределах индивидуальной авторской парадигмы как внутритекстовая (роман в новеллах, трилогия, дилогия) или цикловая (стихотворения, объединенные в цикл, цикл рассказов,

лекцій, телепередач, кинофільмов, об'єдинених общими персонажами, темами, проблемами) і в межах декількох авторських парадигм («Унесенные ветром» М. Мітчелл і «Скарлетт» А. Ріплей).

Соотнесенность завершенности и целостности таких текстов ставит вопрос об их границах. На наш взгляд, цикловая и межпарадигмальная серийность представляет совокупность самостоятельных целостных текстов. В конечном счете, автор сам определяет их единство, называя «Герой нашего времени» романом и представляя его отдельными новеллами или объединяя тексты в дилогию или трилогию.

Литературоведы выделяют особый способ организации целостности текста в постмодернистских художественных произведениях – ризому (термин заимствован философами Ж. Делезом и Ф. Гваттари из биологии, где он обозначал форму корня как нецентрированной системы, зависящей от среды своего существования. Ризома разрушает представления о любой структуре, это особая нелинейная, диффузная организация текста, напоминающая гипертекст, в которой возможны вставки иных жанров, и имеющая высокую степень вариативности интерпретации. Однако ризоматичность не отрицает целостности, поскольку таковы закономерности нарративной схемы подобных произведений.

Дискретность в противоположность целостности представляет собой текстово-дискурсивную категорию, выражающую как разделенность процессов порождения и восприятия даже в случае спонтанного устного дискурса, так и членимость текстовой формы организации коммуникативной ситуации. В последнем аспекте дискретность можно отождествлять с членимостью, традиционно рассматриваемой как текстовая категория.

Дискретность – свойство любой системы, ибо обязательные для системы элементы и их функции разделены. Существовая на фоне системности и целостности дискурса, дискретность обеспечивает взаимодействие систем-модулей и облегчает процессы порождения и восприятия целого текста. Членимость и

целостность актуализируют центробежные и центростремительные силы текста, дискурса. Взаимодействие этих сил объясняется «онтологически присущим тексту несоответствием между его развертыванием, которое имеет линейный характер, и отражаемой действительностью, которая многомерна» [7, с. 72]. Системность и структурированность самого текста также не отрицают, а наоборот, предполагают возможности его формального (архитектонического) и содержательного (композиционного) членения. Дискретность сознания коммуникантов, семиосфер, интериоризованного бытия порождает дискретность текста.

Средствами дискретности текста являются на вербальном, формальном уровне высказывания (Г. В. Колшанский), абзац (А. Пешковский, Р. Ленекер, М. Блэк), параграф, глава, раздел и т. п. На смысловом уровне текст членится на пропозиции (предикатно-актантные рамки или предикатно-аргументные структуры) (Л. Теньер, У. Чейф, Ч. Филлмор, С. Д. Кацнельсон, Ю. Апресян, В. Богданов и др.), сверхфразовые единства, или сложное синтаксическое целое, прозаическую строфу, микротексты, периоды как смысловые блоки с общей темой (Н. Пospelов, О. Москальская, Г. Солганик, Т. ван Дейк, У. Тиле, Л. Лосева и др.), предикатно-релятивные комплексы (Т. Баталова) и т. п. Следует подчеркнуть, что в некоторых работах сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство отнесены к структурным компонентам членения. Это возможно лишь в случае их совпадения с абзацем, действительно, структурной единицей. Но в остальном данные единицы репрезентируются как монотематические только на смысловом уровне.

Внедрение в коммуникативную и текстовую лингвистику разработок когнитивной и компьютерной науки создает новые механизмы членимости, опирающиеся на выделение ментальных моделей, ситуационных, или эпизодических моделей (Ф. Джонсон-Лэрд, Т. ван Дейк), макроструктур, фреймов, сцен и сценариев (Т. ван Дейк), фреймов интерпретации (Ч. Филлмор) и т. д. Т. ван Дейк рассматривает сценарии как абстрактные, схематические, иерархические организованные наборы

пропозицій, конечные позиции которых является незаполненными: их наполнение производится по умолчанию (default values) [4, с. 140]. Эти сценарии могут использоваться как дискретные единицы сознания при порождении и понимании текста с жесткой структурой. М. Минский считал, что в памяти коммуникантов хранятся в виде фреймов также знания о правилах ведения дискурса, коммуникации. Т. М. Дридзе предлагает рассматривать систему текста как иерархию коммуникативных программ: смысловых блоков – предикаций – связей.

Членимость порождения и членимость восприятия различны. Автор подчиняет дискретность текста своему замыслу, интенции и создает линейную и вертикальную членимость (персонажную, тематическую, ситуационную, аксиологическую и т. д.), используя фреймы, сценарии, установки своей памяти [4, с. 141]. Вертикальная членимость является сквозной, ибо логическая последовательность в тексте соблюдается далеко не всегда, текст может иметь разрывы, противоречия, несоответствия, однако членимость порождения должна быть подчинена авторскому концепту: появление темы в тексте, персонажа в художественном тексте не случайно, как и отклонение от темы при соблюдении максимы релевантности.

Для читателя, слушателя членимость воспринимаемого текста носит прогностический характер гипотез и их подтверждения, модификации или отрицания. По окончании рецепции текста рекурсивное сканирование информации в сознании адресата и соположение ее со сценариями и установками в его памяти создает дискретность текстового содержания как линейную, так и сквозную, проверяя ее «на выходе» путем челночной операции «концепт – целое – компоненты дискретности».

Изучение текстовых категорий в ракурсе квалификации текста как сложного знакового феномена и как посредника дискурса позволяет познать его природу, в отличие от не-текста. Рассмотрение целостности и членимости как категориальной антиномии углубляет наши представления о механизмах интеграции текстового целого. Перспективами нашего

исследования служат анализ способов вербальной репрезентации текстовых категорий и выявление специфики их реализации в различных типах текстов и дискурсивных практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева О. П. Текстовые категории и фактор адресата / О. П. Воробьева. – К. : Вища школа, 1993. – 199 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
3. Горский Д. П. Краткий словарь по логике / Д. П. Горский, А. А. Ивин, А. Л. Никифоров / Под ред. Д. П. Горского. – М. : Просвещение, 1991. – 208 с.
4. Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
5. Дридзе Т. М. Социальная коммуникация и культура в экоантропоцентрической парадигме / Т. М. Дридзе // В контексте конфликтологии. – 1997. – Вып. 1. – С. 5–12.
6. Звегинцев В. А. О цельнооформленности единиц текста / В. А. Звегинцев // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1980. – Т. 39. – № 1. – С. 10–17.
7. Кухаренко В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.
8. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1999. – 287 с.
9. Леонтьев А. А. Понятие текста в современной лингвистике и психологии / А. А. Леонтьев // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. – К. : Изд-во КГУ, 1979. – С. 26–38.
10. Мороховский А. Н. К проблеме текста и его категорий / А. Н. Мороховский // Текст и его категориальные признаки. – К. : Наука, 1989. – С. 3–15.
11. Москальская О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. – М. : Высшая школа, 1981. – 187 с.
12. Мурзин Л. Н. Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск : Изд-во Уральского гос. ун-та, 1991. – 172 с.

13. Руденко Д. И. Философия имени : В поисках новых пространств / Д. И. Руденко, Ю. И. Сватко. – Харьков : ОКО, 1993.
14. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации : Монографическое учебное пособие / Е. А. Селиванова. – К. : Фитосоциоцентр, 2002. – 336 с.
15. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля, 2010. – 844 с.
16. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности / Е. В. Сидоров. – М. : Наука, 1987. – 140 с.
17. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1996. – 286 с.
18. Эспань Н. О некоторых теоретических задачах современной текстологии / Н. Эспань // Современная текстология: теория и практика. – М. : Наследие, 1997. – С. 15–23.
19. Petöfi J. S. Transformations grammatiken und eine ko-textuelle Texttheorie / J. S. Petöfi. – Frankfurt, 1971.

Стаття надійшла до редакції 21 грудня 2012 року

УДК 808.53:811.111

*Maria Tanchynets
(t. Pereyaslav-Khmelnytsky, Ukraine)*

VARIATION OF FORMANT FREQUENCIES OF MONOPHTHONGS IN BUSINESS DISCOURSE

Базуючись на даних проведеного акустичного експерименту в статті розглянуто варіативність частоти формант монофтонгів сучасної англійської мови в діловому діалогічному дискурсі. На матеріалі британського телевізійного шоу «Dragons' Den» у дослідженні проаналізовано показники першої та другої формант голосних для трьох інформантів чоловічої статі. У зв'язку з цим представлені підходи сучасних дослідників до визначення артикуляторних особливостей першої і другої форманти.